

УДК 94:32(4)«19»

Установление сталинского тоталитаризма советского образца в странах Центрально-Восточной Европы

Л.Д. ГУСЕЙНОВА

Архив Политических Документов. Управление Делами Президента Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджанская Республика, E-mail: docentAR2013@gmail.com

Авторское резюме

В представленной статье освещено становление «сталинизма», как тоталитарного режима советского образца, в странах Центрально-Восточной Европы. Предпосылкой этого стали не только геополитические решения, принятые на Ялтинской конференции 1945 года, но и изменения в общественных настроениях в Европе, которые выразились в отчетливом увеличении популярности левых сил.

Первоначально становление «сталинизма» происходило в условиях социально-политического компромисса внутренних сил, который был воплощен в концепции «национального пути к новому общественному строю». Слабость местных коммунистических партий диктовала советской стороне необходимость поддержки коалиционных форм осуществления власти при условии участия коммунистов. Одновременно, с помощью силовых методов, организации «разоблачений антидемократических заговоров» и последующих арестов проводилось устранение оппозиции с политической сцены. Затем проводилась политическая дискредитация тех политических сил, которые входили в коалиции и по степени общественного влияния могли соперничать с компартиями.

Это позволило со временем отказаться от концепции «национального пути к социализму» и перейти к построению унифицированного «сталинизма» с такими характеристиками, как диктатура партии, контроль СМИ, концентрация политической и экономической власти в руках лидера.

Ключевые слова: тоталитаризм, сталинизм, страны ЦВЕ, авторитарный режим, социалистический лагерь, советские советники.

Establishing stalinist totalitarianism soviet-style in Central Eastern Europe

L.D. GUSEYNOVA

Archive of Political documents. Executive office of President of Azerbaijan Republic, Baku, Republic of Azerbaijan, E-mail: docentAR2013@gmail.com

Abstract

This article deals with the formation of «Stalinism», as the totalitarian regime of the Soviet type, in the countries of Central and Eastern Europe. The background for this was not only geopolitical decisions made at the Yalta Conference in 1945, and changes in public attitudes in Europe, which are clearly expressed in the increasing popularity of the Left. Initially, the formation of «Stalinism» took place in the context of social and political compromise of internal forces which was embodied in the concept of «national way to a new social order». The weakness of the local communist parties dictated to the Soviet side the need to support the coalition form of government with the involvement of the Communists. At the same time, with the help of law enforcement techniques, the organization «anti-democratic conspiracies revelations» and subsequent arrests, elimination of the opposition from the political scene were carried out. Then the political discrediting of the political forces, those were in the coalition and had the degree of social influence that could compete with the communist parties, were held. This made it possible later to abandon the concept of «national road to socialism» and go to the construction of a unified «Stalinism» with such features as the dictatorship of the party, control of the media, the concentration of political and economic power in the hands of the leader.

Keywords: totalitarianism, stalinism, CEE countries, authoritarian regime, socialist bloc, Soviet advisers.

Постановка проблемы. Термин «сталинизм» впервые стали использовать еще в 30-тых годах, его закрепление, широкое распространение в американских и европейских академических кругах относится к периоду 1950-1960-х гг., но на постсоветском пространстве он закрепился в общественных науках только в начале 1990-х гг. Впервые употребление термина «сталинизм» встречается в речи Л.Д. Троцкого «Сталинизм и большевизм» от 28 августа 1937 г. В конце 1950 – 1960-х гг, появляются политические и исторические работы, в которых впервые ставится вопрос «ста-

линизма» как научной проблемы, но исследования по этой теме в Советском Союзе были скованы соображениями идеологического характера. В период 1987–1990-х гг. происходит повторное «открытие» темы «сталинизма», появляются работы как публицистического, так и научного характера, значимость которых обусловлена тем, что в их рамках была обоснована актуальность изучения феномена «сталинизма» и были открыты многочисленные источники, которые были впервые обнародованы и подверглись историческому анализу.

Сам феномен сталинизма формировался в

© Л.Д. Гусейнова, 2015

СССР постепенно, обретая завершённый вид только после принятия «сталинской» Конституции 1936 г. и Большого Террора 1937-1938 гг. и формирования целостной и стройной религиозно-догматической системы, а также соответствующего общественного сознания.

Диапазон оценок деятельности Сталина и его роли в международной политике весьма широк и неоднороден: от политического реалиста до «гениального дозировщика», обладавшего «дьявольским искусством тактика» [1, с. 6]. После Второй мировой войны стало возможным применение понятия «сталинизм» и за пределами Советского Союза, так как начались попытки его экспорта в страны Центральной и Восточной Европы (далее ЦВЕ). Это был советский вариант тоталитаризма – апробированного и испытанного на народах Советского Союза.

Народы ЦВЕ на тот момент уже обладали негативным опытом знакомства с политическими реалиями тоталитаризма, но несколько иного плана, так как некоторое время вынуждены были провести в условиях диктатуры нацистов и их союзников. Казалось, это должно было выработать определенный иммунитет к тоталитаризму. Усилить его должны были опыт революционной и партизанской борьбы, функционирования демократических институтов и наличие «левых» политических лидеров, таких как – румын Л. Пэтрэшкану, болгарин Т. Костов и другие. Кроме того, многие по-европейски образованные интеллектуалы, такие как поляки О. Ланге и Ю. Хохфельд, чехи Я. Шмераль и Л. Фрейка, венгр Д. Лукач связали свою судьбу с коммунистическим движением и работали в его руководящих структурах. Европейское коммунистическое движение, вышедшее из подполья, выгодно своими ценностными ориентациями отличалось от ленинской гвардии начала века. Но такие лидеры остались невостребованными советской властью. И. Сталин и его политические последователи продолжали поддерживать в подвластных странах своих доморожденных конформистов, послушных воле хозяина, проводников «социалистической идеологии» в народные массы. Этот период истории стран ЦВЕ оставался недостаточно исследованным на протяжении существования Советского Союза, поэтому сегодня сохраняется актуальность определения особенностей установления и конституирования сталинизма, как тоталитаризма советского образца в этих странах и его сравнения с «образцовым» сталинизмом, созданным в СССР. Изучение этих особенностей и будет целью данной публикации.

Изложение основного материала. В вопросе распространения коммунистической системы в Восточной Европе есть несколько позиций, сторонники которых отстаивают свою точку зрения следующим образом: первая сво-

дится к тому, что уже в первой половине 1945 г. Москва взяла четкий курс на превращение народно-демократических режимов в коммунистические и что советское руководство с момента освобождения региона стало фактически навязывать тоталитарную, сталинскую модель развития. В качестве подтверждения приводят беседу Сталина с членами болгарской и югославской делегаций в январе 1945 г. в Москве, на которой кремлевский лидер откровенно высказался о распространении советской общественной системы на территории, занятые Красной Армией, т.е. делают упор на идеологическую составляющую советской политики в Восточной Европе. В частности, 24 апреля 1945 г., беседуя с югославской делегацией, И. Сталин высказался следующим образом: «Кто занимает территорию – насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может» [2, с.84].

Четыре дня спустя вождем заявил уже нечто противоположное. 28 апреля в ходе двухчасовой беседы И.В. Сталина с ксендзом Ст. Орлеманьским, прибывшим в Москву из США, затрагивались перспективы устройства Польши. В записи беседы выражено отношение Москвы к будущему польскому государству: «Тов. Сталин говорит, что в отношении Польши у Советского правительства нет никаких намерений вмешиваться во внутренние дела, и тем более вмешиваться в религиозные дела. Какие порядки - политические, социалистические или религиозные - будут существовать в Польше – дело самих поляков. Что мы, советские люди, хотели бы иметь в Польше? Мы хотели бы, чтобы в Польше существовало такое правительство, которое понимало бы и ценило бы хорошие отношения со своим восточным соседом» [5].

Советский Союз не мог предложить странам Восточной Европы ничего сверх того опыта, который был накоплен за годы управления «захваченными» союзными республиками ближнего периметра. Сталин рассчитывал управлять странами внешнего периметра по аналогии. Характерным для Советского Союза были централизованная диктатура партии и перевес центра.

Другая точка зрения сводится к тому, что на первый план выдвигают задачу обеспечения безопасности СССР, которая, естественно, была первоочередной в послевоенные годы и подчиняла себе классовые и идеологические моменты советской внешней политики. В этот короткий промежуток времени главной задачей представлялись Сталину создание дружественных СССР режимов народной демократии и их поддержка. На этом этапе Москва была готова временно допустить известную свободу стран ЦВЕ во внутренних делах при сохранении советского влияния на их внешнеполитический

курс [1, с. 10]. Главная задача Москвы в Восточной Европе на рубеже войны и мира в соответствии с национально-государственными интересами Советского Союза, как их понимало советское руководство, заключалась в создании вдоль советских западных границ «пояса безопасности», способного оградить от возможного повторения агрессии.

Нельзя сбрасывать со счетов и концепцию о «двух этапах народной демократии», которая трактует народную демократию как ступень на пути к утверждению социалистического строя советского образца, без какой-либо альтернативы [3, с.68]. Тем более, что на тот момент в социальной базе Центральной и Восточной Европы имелась богатая палитра политических сил и ориентаций, одним своим существованием ставящая перед советским руководством двуединую задачу: сохранить сотрудничество с западными державами в Европе на антигерманской основе и объединить разнородные политические силы. Таким образом, в послевоенной Восточной Европе реализовывалась идея социально-политического компромисса внутренних сил, воплощения в концепцию «национального пути к новому общественному строю». Понимание этого диктовало советской стороне необходимость поддержки в регионе коалиционных способов осуществления власти при обязательном участии в коалициях коммунистов.

Такая позиция Москвы открывала возможность для стран региона реализовать вызревавшую в обществе в годы войны идею социально-политического компромисса, избежать острого политического конфликта. Эта идея воплотилась в концепцию «национального пути» к новому общественному строю. Важной задачей Москвы на этом этапе являлись поддержка и обеспечение участия в блоке и во властных структурах тех сил, которые, так или иначе, ориентировались на СССР. В первую очередь, это были коммунисты.

Советская сторона активно участвовала в формировании коалиционных кабинетов. Так, весной 1945 г. прямое политическое и военное давление советских представителей привело к власти кабинет П. Грозы в Румынии, в который вошли коммунисты. На достижение этой цели был направлен визит заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского в Бухарест.

Силовая тенденция отражалась и в тех советах, наставлениях и инструкциях, которые руководители компартий получали из Москвы из Отдела международной информации ЦК ВКП(б) [6]. Причем, судя по документам, силовые методы и приемы использовались не только против «противников режима» и прежде всего тех, кто запятнал себя сотрудничеством с нацистами, но и против оппозиционно на-

строенных лиц и тех, кто не давал достаточного подтверждения своей лояльности новому режиму.

В 1944-1945 гг. восточноевропейское общество характеризовалось открытостью как западному, так и восточному влиянию. В каждой из стран существовали и, что важно, активно действовали политические и социальные силы, ориентированные как на западные демократии, прежде всего США, так и на СССР. Доминирование идеи блока демократических сил в советской внешней политике в странах Восточной Европы с неизбежностью означало, что московское руководство в тот период не могло согласиться с планами советизации региона, выдвигавшимися леворадикальными силами, прежде всего в компартиях Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии.

Сегодня, надо признать, дискуссионным остается вопрос, была ли эта ориентация московского руководства тактическим маневром, обусловленным некими промежуточными целями или за ней стоял долгосрочный стратегический план. Но, независимо от ответа на этот вопрос, нельзя не отметить, что концепция мирного перехода к социализму по-своему, национальному, пути имела убежденных сторонников среди прагматически настроенных членов компартий в регионе. В их числе – В. Гомулка, К. Готвальд, Г. Димитров, Й. Ревай, Л. Пэтрэшкану и др.

На рубеже 1946-1947 гг. в общественных настроениях в Европе проявились новые разнонаправленные тенденции. Применительно к странам региона они выразились в отчетливом усилении позиций левых сил, в первую очередь во властных политических структурах. Это показали прошедшие парламентские выборы. Материалы российских архивов подтверждают, что в Польше, Румынии, Венгрии итоги этих выборов были сфальсифицированы [4, с.94]. Отсутствие отчетливой позитивной экономической динамики в странах Восточной Европы рождало в левых кругах соблазн отказаться от долговременного перехода к социализму в пользу ускорения этого процесса. Подобное ускорение неизбежно означало социально-политическую конфронтацию.

Нарушения блоковой солидарности между СССР и западными союзниками стали важнейшими предпосылками перехода Москвы к новому стратегическому курсу в регионе. В это же время за «уступчивость» партнерам по Национальному фронту и склонность к компромиссам советская сторона остро критиковала К. Готвальда и Р. Сланского, выражала недовольство В. Гомулкой, защищавшим идею «польского национального пути»...

Настрой советского руководства на устранение «мягких», недостаточно революционных методов и тактики действия коммунистов на-

шел отклик у той части членов руководства компартий Восточной Европы и членской массы, которая тяготела к немедленному переходу к советской модели организации общества. Поэтому смена советской стратегии повлекла за собой резкое обострение борьбы в руководстве компартий за личную власть и монополию на контакты с советским руководством. Москва не осталась в стороне от этой борьбы, сделав ставку на те элементы, которые готовы были признать универсальный характер советской модели, отказавшись от концепции «национального пути к социализму». Огромную роль в этом процессе сыграл созданный в сентябре 1947 г. Коминформ.

Особое место в арсенале согласованных действий национальных коммунистов и их советских советников и консультантов занимали «разоблачения антидемократических заговоров». Их организация пришлась на 1947 г. и охватила такие страны, как Венгрия, Болгария, Румыния, Чехословакия. Документы говорят в пользу явной однотипности всех кампаний и процессов против «заговорщиков», что свидетельствует о наличии единого «дирижера». Смысл «заговоров» состоял в политической дискредитации популярных оппозиционных лидеров, устранении оппозиции с политической сцены. Другими словами, речь шла о тех политических силах, которые по степени общественного влияния могли соперничать с компартиями. В Венгрии острие удара направлялось против Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ) и одного из ее лидеров Б. Ковача, в Румынии – против недавнего активного партнера коммунистов – национально-либеральной партии Г. Тэтэреску, в Чехословакии – против словацкой Демократической партии, в Болгарии – против оппозиционного Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) и его лидера Н. Петкова [8, с. 40].

Сегодня с определенностью можно констатировать, что советская сторона обеспечивала не только внешнеполитическую поддержку этих акций, но и в отдельных случаях непосредственно участвовала в них. Так, Б. Ковач был арестован советскими военными властями за инкриминированную ему «шпионскую деятельность против Советской Армии и Советского Союза» [4, с. 98].

Так, уже после ареста Б. Ковача венгерские коммунисты сочли, что наступила очередь премьер-министра Ф. Надя, а также «профессоров» и др. представителей интеллигенции. Новый этап эскалации «разоблачения заговорщиков» понадобился компартии для устранения своих политических оппонентов из числа руководства ПМСХ. Отсутствие «складов оружия» не помешало болгарским коммунистам обвинить лидера крестьянской партии Н. Петкова в подготовке «вооруженного переворота»

и в сентябре 1947 г. казнить его [9]. 1948 год обозначился важным рубежом, как в развитии региона, так и в политике Советского Союза в странах Восточной Европы. Опираясь на помощь и поддержку Москвы, коммунисты утвердили свою монополию на власть, а Советский Союз завершил идейно-политическое оформление восточного блока, который в середине 1950-х годов превратился в военно-политический блок.

1948 г. завершил переходный этап в развитии стран народной демократии. В 1948 г. в регионе еще не было всех основных существующих черт сталинизма, но тенденции их формирования были очевидными. В странах Восточной Европы сохранялись многоукладная экономика и разнообразные формы собственности. Далеко было и до монополии марксизма-ленинизма в сфере идеологии. Прочными оставались позиции церкви. Римско-католический костел, особенно в Польше и Венгрии, продолжал по традиции играть важную идеологическую роль в общественной жизни, являясь существенным элементом политической системы. При этом все силовые структуры: армия, милиция, внутренние войска и служба безопасности – создавались при помощи советских советников и постоянно и тесно взаимодействовали с НКВД.

В советской исторической науке существовал ряд запретных для исследователей тем, выведенных из сферы научной деятельности по идеолого-политическим мотивам. К таким темам относилась и проблема военно – политических и экономических советников – особой группы советских специалистов, работавших в 1940-1950-е гг. в странах ЦВЕ. Эта группа обычно формировалась из личного состава генералитета или старшего офицерства МГБ и МВД СССР, а действовала на уровне высшего эшелона власти и управления в странах пребывания.

Выводы. Результатом советского влияния при преобразовании государств ЦВЕ было возникновение целого ряда основополагающих структурных характеристик, описанных еще классической теорией тоталитаризма 1950-х гг. Речь идет о типе господства, основанном на диктатуре партии в рамках так называемого национального, демократического или объединенного фронта, на репрессиях как инструмента борьбы с реальной и потенциальной оппозицией, на политическом контроле средств массовой информации, который был обеспечен ликвидацией информационного плюрализма,

Итогом стало формирование бюрократическо-политической монополии на власть на основе компартий с лидерами-вождями, в основе власти которых лежал миф о их исключительности; концентрации политической и экономической власти в руках лидера; монополии марксистско-ленинского учения в сфере идео-

логии. Особенностью «сталинизма» в странах Центрально-Восточной Европы был не пере-
чень внедренных институтов, а степень реали-
зации их возможностей, которая не достигла

уровня Советского Союза в силу отличия мента-
литета, иного цивилизационного пространства,
возможностей самих компартий стран ЦВЕ, в
первую очередь кадровых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волокитина Т.В. О некоторых дискуссионных аспектах изучения истории сталинизма в Восточной Европе в 40-50-е годы XX века [Текст] / Т.В. Волокитина // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945-1989 гг. / отв.ред. О.В. Хаванова. – СПб. : Алетейя, 2010. – 224 с.
2. Джилас М. Лицо тоталитаризма [Текст] / М. Джилас. – М. : Новости, 1992. – 554 с.
3. Марьина В.В. «Народная демократия»: теория и практика [Текст] / В.В. Марьина // Власть-Общество-Реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э. Задорожнюк. – М. : Наука, 2006. – 442 с.
4. Мурашко Г.П. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе. 1945-1948. [Текст] / Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова // Советская внешняя политика в годы «холодной войны», 1945-1985. Новое прочтение / отв. ред. Л.М. Нежинский. М., Международные отношения, 1995. – С. 69-115.
5. Орлик И.И. Альтернатива «реальному социализму» [Текст] / И.И. Орлик // «Экономическая и философская газета». – 11.04.2008. – № 14-15.
6. РГАСПИ. – Ф.17. – Оп.128. – Д.750. – Л. 11,40,57,58.
7. РГАСПИ. – Ф.17. – Оп.128. – Д.758
8. РГАСПИ. – Ф.77. – Оп.3. – Д.88.
9. Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. : в 2-х тт. Документы [Текст] / отв. редактор Т.В. Волокитина. – М. : РОССПЭН, 1999. – Т. 1. 1944-1948 гг. – 687 с.

Статья поступила в редакцию 25.03.2015

REFERENCES:

1. *Volokitina T.V.* O nekotorykh diskussionnykh aspektakh izucheniya istorii stalinizma v Vostochnoy Evrope v 40-50-e godyi HH veka (On some controversial aspects of the study of the history of Stalinism in Eastern Europe in 40-50 years of the twentieth century) // *Vostochnyy blok i sovetsko-vengerskie otnosheniya*. 1945-1989 gg. – SPb. : *Aleteyya*, 2010. – 224 p.
2. *Dzhilas M.* Litso totalitarizma (Face of totalitarianism). – M. : *Novosti*, 1992. – 554 p.
3. *Marina V.V.* «Narodnaya demokratiya»: teoriya i praktika (“People’s Democracy”: Theory and Practice) // *Vlast-Obshchestvo-Reformy. Tsentralnaya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Vtoraya polovina XX veka*. – M. : *Nauka*, 2006. – 442 p.
4. *Murashko G.P.* Sovetskiy faktor v poslevoennoy Vostochnoy Evrope. 1945-1948. (Soviet factor in post-war Eastern Europe. 1945-194) // *Sovetskaya vneshnyaya politika v godyi «holodnoy voynyi», 1945-1985. Novoe prochtenie M., Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 1995. – P. 69-115.
5. *Orlik I.I.* Alternativa «realnomu sotsializmu» (Alternative “real socialism”). // «*Ekonomicheskaya i filosofskaya gazeta*». – 11.04.2008. – № 14-15.
6. RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History). – F.17. – Op.128. – D.750. – L. 11,40,57,58.
7. RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History). – F.17. – Op.128. – D.758
8. RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History). – F.77. – Op.3. – D.88.
9. *Sovetskiy faktor v Vostochnoy Evrope. 1944-1953 gg.* (Soviet factor in Eastern Europe. 1944-1953). – M. : *ROSSPEN*, 1999. – Vol. 1. 1944-1948 gg. – 687 p.

Гусейнова Лала Джавид Кызы – кандидат исторических наук
Архив Политических Документов. Управление Делами Президента Азербайджанской Республики
Адрес: AZ1005, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Низами, 58
E-mail: docentAR2013@gmail.com

Guseynova Lala Dzhavid Kyizyi – PhD in history
Archive of Political documents. Executive office of President of Azerbaijan Republic
Address: 58, Nizami Str., Baku, AZ1005, Republic of Azerbaijan
E-mail: docentAR2013@gmail.com